ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

Ч. 48 — 2484

МАЛАХОВЪ КУРГАНЪ.

Очерки изъ обороны Севастополя.

(Памяти генерала Хрущова и адмирала Истомина.)

Составила **Клавдія Лукашевичъ.**

Изданіе 2-е. Мин. Нар. Пр. **ДОПУЩЕНА** въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Ч48 2484

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ Т-ва И. Д. СЫТИНА.

МАЛАХОВЪ КУРГАНЪ.

(Очерки изъ обороны Севастополя.)

Памяти генерала Хрущова и адмирала Истомина.

1) „Три отрока въ пещи". 2) Смерть адмирала Истомина.

Петроградская Город. библіотека. Инвент. № 2747

СОСТАВИЛА

Клавдія Лукашевичъ.

ИЗДАНІЕ 2-е.

Мин. Нар. Пр. допущена въ ученическія библіотеки низшихъ училищъ.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, собств. домъ.
Москва—1905.

Н

Дозволено цензроую. Москва, 16 декабря 1904 года.

РОССИЙСКАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
№ ____ г.

МАЛАХОВЪ КУРГАНЪ.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№ 26284 1974 г.

ГЛАВА I.

„Три отрока въ пещи“.

„Двѣнадцать разъ луна мѣнялась
Луна всходила въ небесахъ,
А все осада продолжалась
Въ облитыхъ кровію стѣнахъ“.

Гр. Растопчина.

Въ Севастополѣ стало извѣстно, что непріятель рѣшилъ повести главную атаку противъ Малахова кургана. Всѣ понимали, что если овладѣютъ Малаховымъ курганомъ, то Севастополю не устоять. Противъ Малахова кургана закипѣла спѣшная, осторожная работа союзниковъ. Строили три ряда секретныхъ ложементовъ, ставили батареи, чтобы сильнѣй-

шимъ перекрестнымъ огнемъ разгромить богатыря-противника. Но и зоркіе защитники Севастополя не дремали. Они замѣтили новыя работы союзниковъ и поняли ихъ намѣренія. Рѣшено было итти напроломъ и построить свои укрѣпленія передъ Малаховымъ курганомъ. Очень трудно было произвести такую работу передъ самыми глазами сильнаго врага, въ каменистой, открытой мѣстности. Необходимо было выдающееся мужество и крайняя осторожность. Но какое дѣло было не по плечу нашимъ героямъ? Выполненіе этой задачи было возложено на храбраго и распорядительнаго генерала Хрущова съ полками Волынскимъ и Селенгинскимъ.

Въ ночь на 11 февраля 1855 года, когда стемнѣло, селенгинцы, прикрываясь Волынскимъ полкомъ, двинулись на работу

подъ начальствомъ генерала Хрущова. Имъ предстояло трудное, опасное дѣло. Далеко впереди всѣхъ нашихъ укрѣпленій, на правомъ берегу Килекъ-балки, на отлогости Сапунъ-горы, полковникъ Тотлебенъ намѣтилъ заложить новые редуты. На нихъ надо было устроить батареи, чтобы дѣйствовать во флангъ по вновь начатымъ непріятельскимъ укрѣпленіямъ.

Выходя въ походъ, офицеры и солдаты шли какъ на смерть и со всѣми прощались.

— Прощайте. Навѣрно, не увидимся,— говорили они товарищамъ.

— Ну, полно, полно! Богъ милостивъ!— ободряли ихъ.

Полкъ шелъ весело, бодро, спѣшно. Впереди полковникъ Сабашинскій на костылѣ, отчаянный вояка. Еще раньше ихъ двинулся на развѣдки отрядъ чер-

номорскихъ пластуновъ, зоркихъ и ловкихъ, какъ кошки. Они залегли въ секретахъ и въ случаѣ опасности должны были предупредить шедшій отрядъ. Солдаты несли съ собою кирки, лопаты, туры, фашины, мѣшки съ землею. Вечеръ былъ лунный, прекрасный. Отрядъ шелъ крадучись. Непріятель не смотрѣлъ въ ту сторону, не ожидая тамъ опасности, такъ какъ изъ того угла никакихъ вылазокъ никогда не было.

Селенгинцы расположились на одномъ изъ холмовъ, лично указанномъ Тотлебеномъ, всего на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ новыхъ непріятельскихъ укрѣпленій. Закипѣла спѣшная лихорадочная работа. Редутъ воздвигался на каменистомъ грунтѣ, едва покрытомъ тонкимъ слоемъ земли. Работали ломами, кирками: надо было сдѣлать нѣсколько

Хрущовъ.

ударовъ о каменистый грунтъ, чтобы отбить хотя одинъ кусокъ камня; искры разлетались по сторонамъ, какъ огоньки. Солдаты работали усердно и безпокойно оглядывались на затихшія непріятельскія батареи. Они ежеминутно ждали тучи свинца и чугуна. Ничуть не бывало. Къ разсвѣту селенгинцы уже углубились въ землю и заложили рѐдутъ на 16 орудій.

На разсвѣтѣ французы замѣтили кучку взрытой земли. Они поняли, что это какія-нибудь новыя наши работы. Днемъ не стрѣляли, а ночью рѣшили отобрать строящійся редутъ и обратить его въ свою пользу. Когда среди ночи огромная туча закрыла луну, въ непріятельской цѣпи неожиданно послышались выстрѣлы... Одинъ... другой... третій... Ближе и ближе...

— Въ ружье! Въ ружье! — крикнулъ полковникъ Сабашинскій.

Въ одинъ мигъ ружья были разобраны, батальоны построены. Селенгинцы и волынцы, побросавъ лопаты и кирки, храбро защищали свою работу.

Оказалось, противъ нихъ были направлены пять лучшихъ батальоновъ французскихъ войскъ. Ихъ прикрывали англичане. Французы летѣли храбро, увѣренно. Новый русскій редутъ имъ казался вполнѣ доступнымъ маленькимъ прикрытіемъ, сдѣланнымъ изъ легкихъ туровъ. Стоитъ ихъ разбросать—и редутъ взятъ. Но ихъ ждала горькая неожиданность. Подбѣжавъ къ редуту, они нашли большой вырытый ровъ, шириною больше сажени, глубиною два аршина. Изъ него неожиданно посыпался градъ пуль. Храбрые батальоны, цвѣтъ французской мо-

лодежи, лѣзли напроломъ. Подъ смертоноснымъ огнемъ перелѣзали они ровъ, карабкались на брустверъ и бросались въ редутъ. Первый ворвался командиръ охотниковъ съ длинной рапирой въ рукахъ. Но какъ только появился — былъ поднятъ на штыкахъ. За нимъ появился юный офицерикъ, почти ребенокъ. Не успѣлъ онъ оглянуться, какъ получилъ ударъ киркой по головѣ. Растянулся бѣдняга и не пикнулъ. За нимъ еще офицеръ... Нашъ солдатъ дюжею рукою помогъ ему взлѣзть на валъ, схватилъ за шиворотъ и потащилъ къ своимъ въ глубину редута. Удальцы лѣзли еще и еще... Но или тотчасъ находили могилу или были взяты въ плѣнъ.

Въ ожесточенной ночной схваткѣ едва не погибъ самъ генералъ Хрущовъ. Онъ блистательно распоряжался ночнымъ бо-

емъ, и, забывъ всякую осторожность, бросался въ самыя опасныя мѣста. Впереди траншеи, въ рукопашной схваткѣ, зуавы окружили генерала. Одинъ уже замахнулся надъ его головой саблей... Въ это мгновенье горнистъ Павловъ трубой вышибъ у зуава саблю, а рядовой Бѣлоусовъ прикололъ его штыкомъ. Генералъ Хрущовъ былъ спасенъ.

Подходили союзныя подкрѣпленія, бились долго и ожесточенно всю ночь. Французы должны были отступить. Наши отбили свой редутъ и опять проработали тамъ всю ночь. Редутъ этотъ былъ названъ Селенгинскимъ и Селенгинскій полкъ остался охранять его.

Въ эту ночь у насъ случилось большое несчастье: былъ тяжело раненъ Тотлебенъ и отвезенъ въ госпиталь.

Когда разсвѣло, то всѣ увидѣли ужасное кровавое поле побоища.

— Ишь, какъ поле зацвѣло! — говорили солдаты, увидавъ повсюду красные и синіе мундиры.

Болѣе 200 труповъ валялось кругомъ. Наши спѣшно перевозили раненыхъ своихъ и враговъ.

Великіе князья, снова прибывшіе въ Севастополь, благодарили сердечно всѣхъ участниковъ за отбитіе редута и щедро наградили солдатъ. Они посѣтили редуты, присутствовали на панихидѣ по убитымъ. Въ Севастополѣ всѣ очень любили юныхъ царскихъ сыновей, считали ихъ ангелами-утѣшителями. Дѣйствительно, великіе князья были такъ вѣжливы, такъ просты со всѣми, такъ деликатны и внимательны къ каждому. Участливо заботились они о раненыхъ и больныхъ, старались всѣмъ

помочь и всѣхъ утѣшить. Никто не зналъ отъ нихъ отказа: щедрою рукою имъ бы хотѣлось облагодѣтельствовать всѣхъ.

Солдаты были въ восторгѣ отъ своего дѣла. Съ радостью и смѣхомъ тащили они въ лагерь разныя вещи, доставшіяся имъ: кто французскій штуцеръ, кто нарѣзное ружье, кто амуницію, кто офицерскую саблю безъ ноженъ.

Сколько разсказовъ, разговоровъ было объ этой замѣчательной ночи.

— Бисова ночь! — разсказывалъ сотникъ Даниленко. — Темно, какъ въ могилѣ! Подлѣзли французы къ секрету да какъ бросятся... Я и шашки „вытянуть“ не успѣлъ... Свалили меня, двое насѣли, за горло схватили, тянутъ... Я упираюсь, борюсь, кликнуть не могу... Бѣгутъ ихъ тучи, кричатъ, голосятъ. Наши ихъ батальоннымъ огнемъ жарятъ.

А я все со своими вожусь... Приколоть-то, бачите, имъ меня нечѣмъ. Одинъ за горло держитъ; а я, сильный, одною рукой его за ружье держу, а другою другому въ грудь вцѣпился, а ружье прежде у него вышибъ... Онъ рвется у меня къ ружью, а я ихъ обоихъ подтягиваю къ шашкѣ, зная, гдѣ они ее бросили... Такъ и боремся втроемъ... Тутъ-то я вспомнилъ, что кинжалъ при мнѣ. Я какъ брошу отъ себя того, что за грудки держалъ, тотъ полетѣлъ. Я какъ выдерну кинжалъ да въ брюхо тому, что меня за горло душилъ. Онъ такъ и „затрепетався“... А тотъ, другой, бѣжать отъ меня и „утикъ“. Цуръ тобе, а я отъ него утикъ и шашки не подхватилъ, скорѣе къ своимъ. Видите, утикъ. Чуть стало свѣтать, говорю своимъ: „Глядите, нѣтъ шашки! Ступайте, чтобъ „була

вона“, а то я и служить не хочу, если не будетъ моей шашки!“ Ребята нашли и принесли! Спасибо! — такъ закончилъ свой разсказъ сотникъ Даниленко.

Солдаты тоже безъ-устали разсказывали товарищамъ молодецкое дѣло.

— Какъ бросился „онъ“ на насъ... Вотъ какъ бросился „онъ“, словно вихорь... Ну, думаю, баста...—передавалъ большой компаніи слушателей старикъ-солдатъ съ новой медалью на аннинской лентѣ на шеѣ.

— Несется „онъ“ и все ломитъ на пути! Знай, кричитъ: „Алена! Алена!“ Лѣзетъ впередъ, ни на пули ни на штыки не смотритъ. Что за здоровенный народъ! Бородищи во какія! Ну, могу сказать, „ему“ только съ нами, съ русскими, и сражаться!“

— Что же это, дядюшка,—тоненькимъ голосомъ спросилъ молодой солдатикъ, не бывшій въ дѣлѣ и съ любопытствомъ слушавшій разсказъ,—съ чего это онъ Олену-то кричитъ? Родню, что ли, какую зоветъ?

— Видно, Олена-то у нихъ, братецъ мой, все равно, что у насъ Микола-батюшка... Вотъ что,—замѣтилъ глубокомысленно другой слушатель.

— Не то... Видишь ли, какое дѣло...—нѣсколько смутившись, продолжалъ разсказчикъ.—У всѣхъ своя поведенція. У нехристей тоже. Вотъ, бывало, турокъ кричитъ намъ: „Иванъ, Иванъ!“ а самъ рукой машетъ, дескать, „иди сюда!“ А мы ему тоже машемъ... Дескать, если хошь, самъ къ намъ пожалуй да еще выругаешь его, бывало. А эти все кричатъ „Алену“, какъ на штыки бѣгутъ

или на батарею лѣзутъ, такъ что и обругать ихъ не успѣешь, знай только лупи во всю штыкомъ или прикладомъ. Видно, это у нихъ все равно, что наше „ура“.

Въ новомъ „Селенгинскомъ“ редутѣ попрежнему кипѣла неустанная работа: его укрѣпляли, возили туда артиллерію. Непріятель днемъ бомбардировалъ его, портилъ все. Наши ночью снова исправляли. Рѣшено было заложить еще укрѣпленія впереди „Селенгинскаго“ редута. Сказано — сдѣлано. На работу пошли полки Волынскій и Камчатскій. Осторожно, хитро, ловко работали онѣ двѣ ночи. Французы ничего не замѣчали. Каково же было ихъ удивленіе, когда на разсвѣтѣ они увидали передъ собою еще два новыхъ укрѣпленія. Одинъ въ 400 шагахъ отъ Селенгинскаго редута, сдѣланный полкомъ Волынскимъ, былъ на-

званъ „Волынскій“ редутъ; другой, какъ разъ противъ Малахова кургана, на холмѣ, былъ построенъ тремя батальонами камчатцевъ. Онъ назывался „Камчатскій люнетъ“ или, попросту, „Камчатка“, какъ окрестили его солдаты.

Замѣчательно, что, по словамъ переметчиковъ, на томъ же самомъ холмѣ, который Тотлебенъ избралъ для Камчатскаго люнета, французы собирались, не сегодня, такъ завтра, тоже выстроить укрѣпленіе въ родѣ брешь-батареи для Малахова кургана.

Возведеніе трехъ редутовъ почти подъ самымъ огнемъ атакующаго было, конечно, дѣло весьма важное и, можно сказать, единственное въ исторіи обороны крѣпостей. Но устройство этихъ важныхъ пунктовъ было произведено, къ сожалѣнію, слишкомъ поздно. Все-таки съ воз-

веденіемъ этихъ укрѣпленій штурмъ Севастополя былъ отсроченъ. „Эти три бородавки на носу“, какъ называли ихъ французы, сильно мѣшали имъ, остановили ихъ работы, задержали наступленіе.

Съ другой стороны, движеніе наше впередъ показало союзникамъ, что для Севастополя наступаетъ новый періодъ обороны, болѣе упорный и кровопролитный. Изъ-за трехъ редутовъ началась ожесточенная борьба. Ихъ громили чугуномъ и свинцомъ цѣлые дни, разрушали, подбивали... Люди тамъ гибли, какъ мухи. Не даромъ всѣ въ Севастополѣ называли три новыхъ укрѣпленія „Три отрока въ пещи огненной“. Отроки эти были тѣ же неизмѣнные, твердые защитники Севастополя, безстрашно подставившіе свою молодецкую грудь врагу.

ГЛАВА II.

Малаховъ курганъ. — Смерть Истомина.

„У нихъ, у насъ вождей любимыхъ
Косила смерть, недугъ сражалъ,
И много славныхъ, много чтимыхъ
Исчезло тамъ, незамѣнимыхъ,
А Севастополь все стоялъ!“

Гр. Растопчина.

Малаховъ курганъ лежалъ далеко за городомъ. Это была невысокая, продолговатая горка, природой выдвинутая впереди всѣхъ укрѣпленій. Онъ былъ значительно выше города, а потому служилъ какъ бы ключомъ къ нему. Онъ былъ грознымъ сторожемъ города, доковъ и

Корабельной слободки, которая раскинулась между нимъ и южной бухтой.

Кругомъ Малахова кургана были выкопаны рвы. Они были глубоки и извилисты и соединялись съ другими бастіонами. По этимъ рвамъ двигались войска, возили провизію и раненыхъ. Курганъ былъ нашимъ важнѣйшимъ пунктомъ. Кромѣ того, онъ былъ дорогъ намъ, какъ обагренный кровью незабвеннаго героя-защитника Корнилова и многихъ другихъ. Здѣсь каждая пядь земли была смѣшана съ дорогой русской кровью. На Малаховомъ курганѣ возвышалась бѣлая башня. Верхушка ея была сбита вражескими бомбами еще въ первое бомбардированіе и осталась только нижняя часть. Внутри башни, подъ землею, были устроены большіе блиндажи, помѣщался штабъ, находилась церковь, а еще ниже—

пороховой погребъ и ходъ въ минныя галлереи.

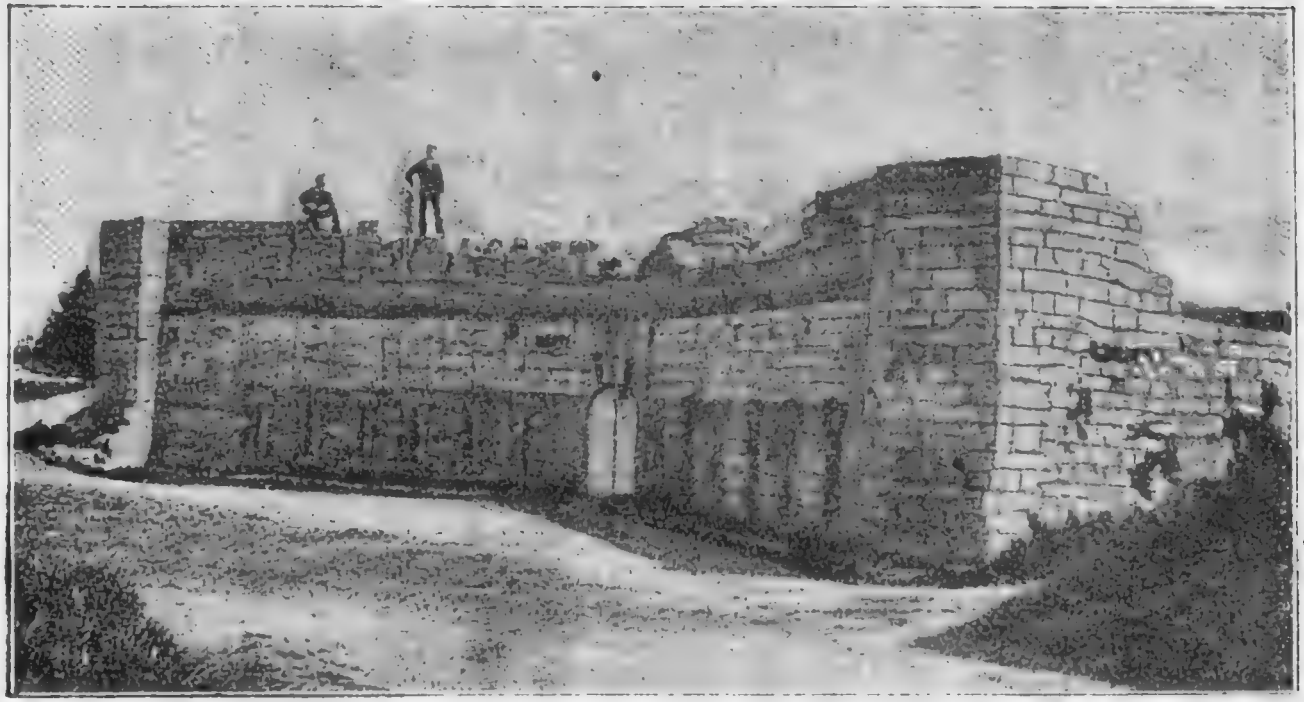
Союзники громили Малаховъ курганъ и дни и ночи. Много разъ пытались они взять его. Овладѣть имъ была главная ихъ цѣль. Бывали дни, когда на Малаховъ курганъ падали тысячи снарядовъ, разрушая всѣ его укрѣпленія. Но защитники спѣшно все исправляли, подставляя свою грудь и отстаивая драгоцѣнный холмъ.

Начальство надъ Малаховымъ курганомъ было ввѣрено Владимиру Ивановичу Истомину. Надо сказать правду: постоянная, необыкновенная дѣятельность адмирала Истомина поражала даже враговъ. И день и ночь онъ на работѣ. И день и ночь готовъ къ смерти. Малаховъ курганъ онъ привелъ въ образ-

цовое состояніе. Всюду были произведены изумительныя работы, устроены прикрытія, нагромождены траверзы. Чистота, порядокъ, осторожность, дисциплина господствовали всюду. И всюду была видна стойкая готовность къ борьбѣ и смерти. Курганъ этотъ былъ дорогое дѣтище Истомина, его любимый корабль. И управлялся онъ такимъ же порядкомъ, какъ на кораблѣ. Тѣ же условія жизни здѣсь соблюдались, тѣ же формы были приняты. Разница была только та, что корабль этотъ стоялъ на незыблемомъ якорѣ, а между тѣмъ на немъ столько же было работы экипажу, какъ если бъ онъ былъ подъ парусами. Такъ же вахты смѣнялись здѣсь, какъ на кораблѣ: такъ же былъ въ употребленіи языкъ корабля и разныя укрѣпленія и вооруженія назывались морскими именами. Такъ

же употреблялся рупоръ, колоколъ билъ склянки.

Владимиръ Ивановичъ Истоминъ лелѣялъ и украшалъ и, берегъ Малаховъ курганъ, какъ прежде онъ лелѣялъ свой корабль „Парижъ“. Онъ берегъ его, какъ зѣницу ока, трепеталъ за каждую минуту его жизни гораздо больше, чѣмъ за собственную жизнь, страдалъ за всякую рану, ему нанесенную, какъ будто эта рана была нанесена въ грудь ему. Паденія Малахова кургана Истоминъ бы не пережилъ. Если бы судьба поставила его дѣтище въ такое положеніе, что ему предстояло бы погибнуть, доставшись въ руки врагу, Истоминъ навѣрно бы взорвался такъ же, какъ если бы пришлось упасть флагу съ горделивой мачты его драгоцѣннаго „Парижа“.



Остатки башни на Малаховомъ курганѣ.

Малаховъ курганъ своимъ замѣчательнымъ устройствомъ, своимъ быстрымъ грознымъ вооруженіемъ обязанъ былъ неусыпной дѣятельности Истомина. Безъ его личнаго надзора здѣсь не было выброшено ни одной лопаты земли, не сдѣлано ни одной амбразуры. А между тѣмъ, какія громадныя работы тутъ были произведены. Истоминъ не раздѣвался съ самаго начала осады. Ложился спать, гдѣ попало, на часокъ-другой, и снова вставалъ, чтобы работать, жалѣя потерять хотя мигъ. Изъ этого небольшого холма Владимиръ Ивановичъ сдѣлалъ отдѣльную грозную крѣпость, не мало удивлявшую непріятеля. Истоминъ не любилъ блиндажей и часто говаривалъ:

— Солдатъ не долженъ прятаться подъ землею отъ смерти. Онъ долженъ всегда безтрепетно смотрѣть ей въ глаза. Тогда

только онъ способенъ на великіе подвиги. Тогда только можно требовать отъ него ежеминутной готовности встрѣтить и отразить самый напряженный ударъ врага. Изъ этихъ блиндажей въ случаѣ внезапнаго нападенія пока-то еще вызовешь людей... А дѣло можетъ быть проиграно. Или невозвратно потеряется важный моментъ для отпора врага.

Въ данномъ случаѣ врядъ ли былъ правъ доблестный адмиралъ, но у него слово не расходилось съ дѣломъ. Чувство долга, жажда славы любимому отечеству доходили въ Истоминѣ до экстаза. Это чувство выработало въ немъ совершенное, полное равнодушіе къ смерти. Онъ не отклонялся въ сторону при падающей бомбѣ, ходилъ подъ пулями на самыхъ опасныхъ мѣстахъ. Когда приближенные

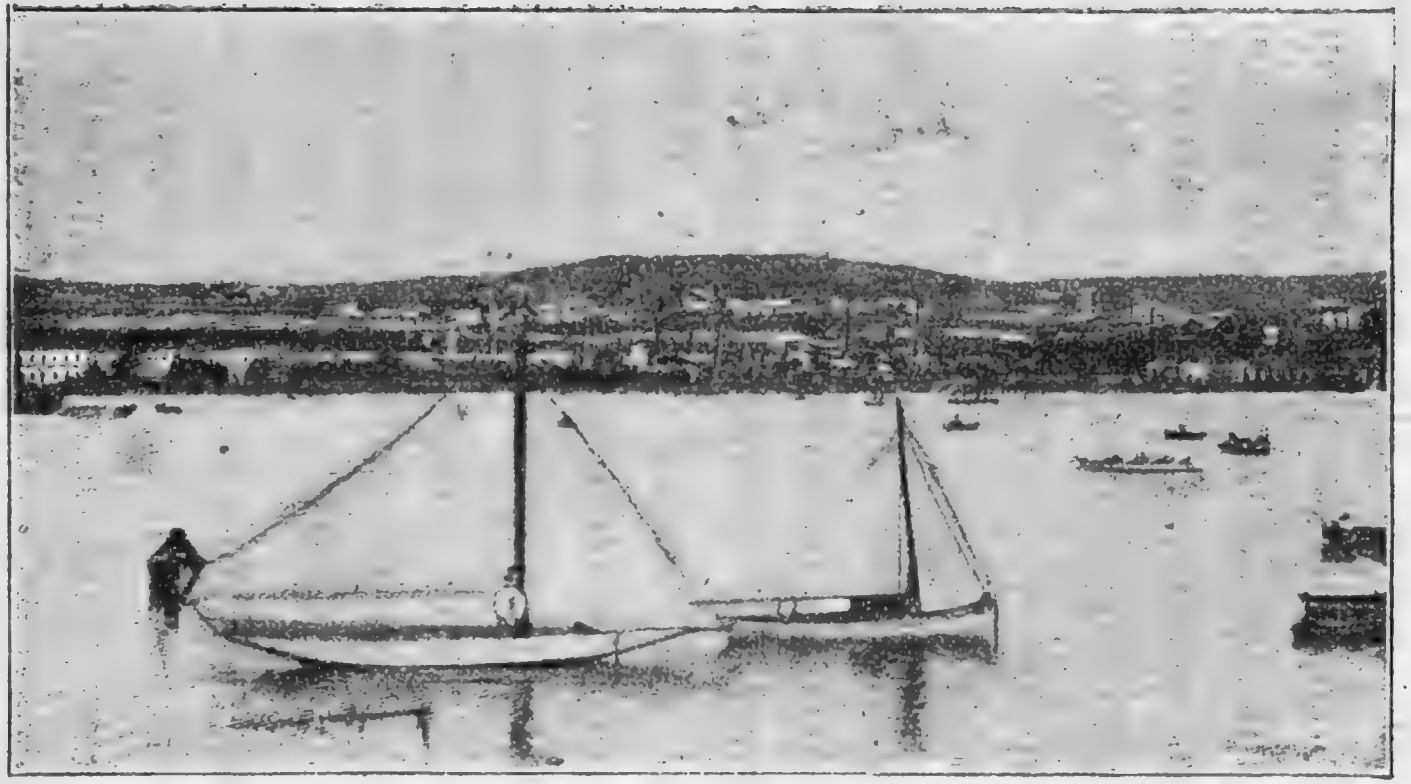
его остерегали, просили поберечься, Владимиръ Ивановичъ спокойно отвѣчалъ:

— Я и такъ незаконно живу на свѣтѣ. Мнѣ бы слѣдовало погибнуть въ первую бомбардировку, слѣдовательно, я смѣло могу играть тѣмъ, чѣмъ пользуюсь и безъ того долѣе срока.

Дѣйствительно, всѣ очевидцы говорили, что въ первую бомбардировку онъ выказывалъ чудеса храбрости, и всѣ удивлялись, какъ онъ тогда остался живъ.

Однажды къ адмиралу пришелъ офицеръ съ обидою, что онъ не былъ награжденъ чиномъ поручика, между тѣмъ какъ товарищъ младше его получилъ. Обѣщавъ офицеру похлопотать о желаемой наградѣ, Владимиръ Ивановичъ сказалъ окружающимъ:

— Удивляютъ меня такіе люди. Какое страшное время теперь, а онъ поручи-



Общій видъ Малахова кургана со стороны города.

чьяго чина хочетъ. Ну, не все ли равно умереть поручикомъ или подпоручикомъ... Я, напримѣръ, убѣжденъ, что не выйду живымъ отсюда... И мнѣ рѣшительно все равно, генераломъ ли меня убили бы, или поручикомъ! Странные люди!

Презирая самъ всякую опасность, Истоминъ, однако, очень заботился о своемъ гарнизонѣ. Онъ постоянно просилъ чего-нибудь для своихъ солдатъ. Особенно нѣжно заботился онъ о раненыхъ. Безстрашный подъ пулями, Владимиръ Ивановичъ не могъ видѣть и скорбѣлъ душой, когда, за недостаткомъ носилокъ, раненыхъ таскали на ружьяхъ или просто за руки и за ноги. Стоны ихъ болѣзненно надрывали его доброе сердце. За нѣсколько часовъ смерти Владимиръ Ивановичъ самымъ настойчивымъ образомъ

просилъ о прибавленіи ему носилокъ для переноски раненыхъ.

7 марта утромъ былъ тяжело раненъ горнистъ, всегда сопровождавшій адмирала. Когда его укладывали на носилки, Владимиръ Ивановичъ покрылъ его своей шинелью, поцѣловалъ въ лобъ и приказалъ осторожнѣе нести въ госпиталь. Въ тотъ же день этого прекраснаго человѣка не стало. Истоминъ погибъ, возвращаясь съ Камчатскаго люнета. Онъ шелъ по гребню траншеи. По сторонамъ его шли его приближенные и нѣсколько разъ убѣдительно просили:

— Ваше превосходительство, сойдите въ траншею. Тамъ очень опасно итти.

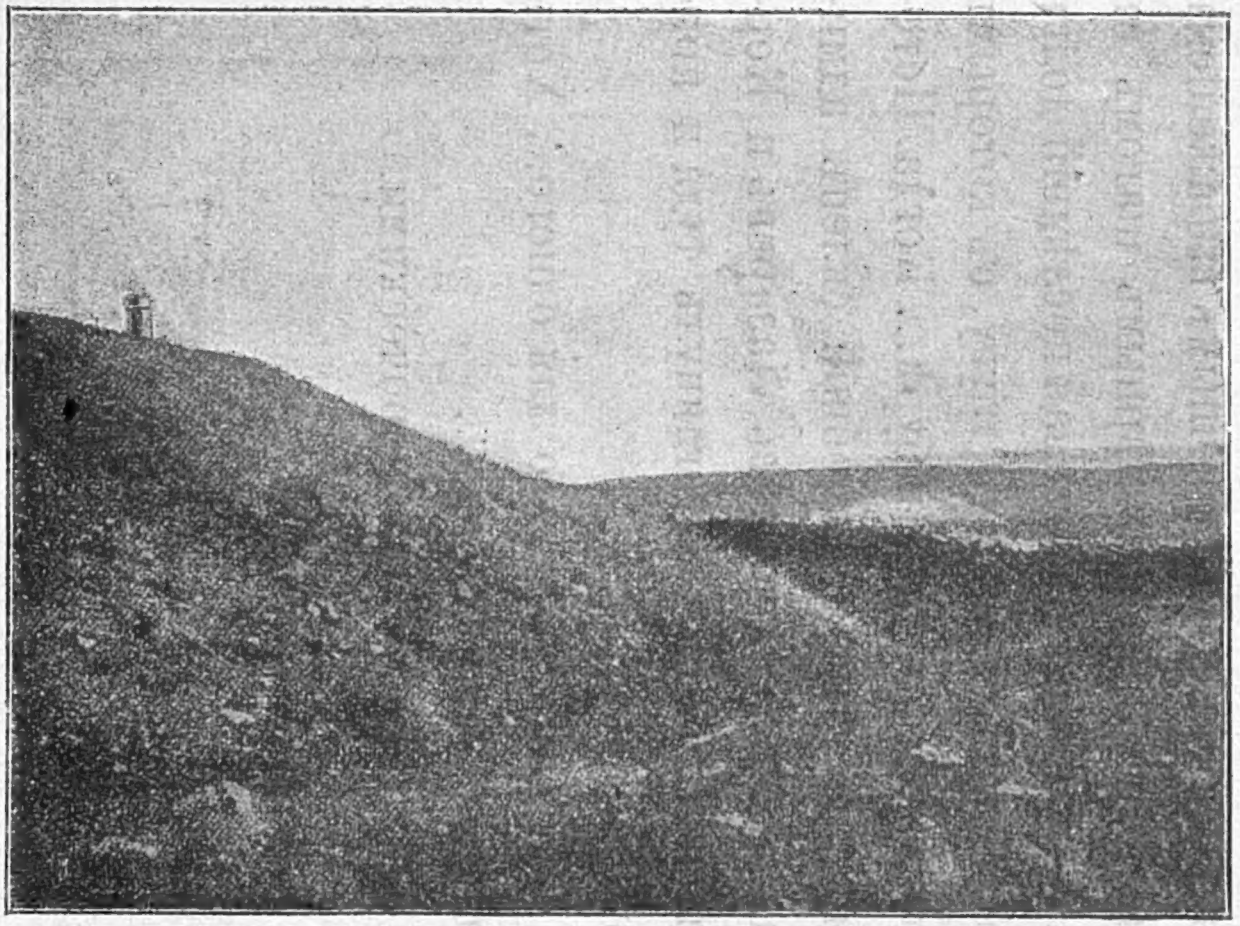
— Э, друзья мои... Все равно отъ ядра вѣдь не спрячешься...

И вдругъ злополучное ядро настигло адмирала и оторвало ему голову. Это

была страшная минута. Черепъ его разлетѣлся и костями контузило его адъютантовъ. Ленточка съ георгіевскаго креста осталась на шеѣ Истомина, крестъ разлетѣлся. Безголовое тѣло принесли на Малаховъ курганъ и положили временно въ Малаховой башнѣ. Тяжелое горе написано было на всѣхъ лицахъ. Остался осиротѣлый корабль безъ своего отца-командира.

Истоминъ точно предчувствовалъ свою смерть. Наканунѣ, вечеромъ, безъ всякой причины, онъ передалъ всѣ важные документы его укрѣпленія, Малахова кургана, офицеру, завѣдывавшему работами.

Похоронили Истомина съ воинскими почестями. Гробъ его вынесли: баронъ Остенъ-Сакенъ, Нахимовъ въ головахъ и другіе генералы. Дорогой всѣ перемѣнялись у гроба, отставали... Одинъ только



Остатки Корниловскаго бастіона. Исходящій уголъ и наружный ровъ.

не перемѣнился, не уступилъ своего почетнаго мѣста ни на минуту—Нахимовъ. Съ насупленнымъ, мрачнымъ выраженіемъ лица онъ двигался мѣрнымъ шагомъ съ завѣтной ношей, отдавая послѣдній долгъ собрату, товарищу и другу, съ которымъ сроднился въ огнѣ и бурѣ... Когда Истомина поставили въ общій склепъ адмираловъ, гдѣ покоились Лазаревъ и Корниловъ, Нахимовъ заглянулъ туда и проговорилъ:

— Еще есть мѣсто для одного... Хоть поперекъ склепа лягу...

Слова эти были пророческими.

ГОСУД. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
№_____ 1974 г.

ДЕШЕВЫЯ КНИГИ КЛАВДІИ ЛУКАШЕВИЧЪ.

1. **Осада Севастополя.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
2. **Севастопольскіе герои.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
3. **Первое бомбардированіе Севастополя и смерть Корнилова.** Цѣна 3 к.
4. **Вылазки. Матросъ Кошка.** (Изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
5. **Гроза надвигается.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
6. **Помощь родинѣ.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
7. **На бастіонахъ севастопольскихъ.** (Изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
8. **Четвертый бастіонъ.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
9. **Инкерманское сраженіе.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 3 к.
10. **Два памятныхъ дня.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
11. **Тяжелая зима въ Севастополѣ.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
12. **Свѣтлый праздникъ въ Севастополѣ.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
13. **Малаховъ курганъ.** (Очерки изъ обороны Севастополя). Цѣна 5 к.
14. **Богатыри севастопольскіе. Вице-адмиралъ Корниловъ.** (Краткая біографія). Цѣна 3 к.
15. **Бѣдный родственникъ.** Разсказъ. Цѣна 5 к.
16. **Въ глухомъ углу.** Разсказъ. Цѣна 4 к.
17. **Другъ несчастныхъ—докторъ Гаазъ.** Цѣна 5 к.
18. **Искра Божія.** Повѣсть. Цѣна 4 к.
19. **Какъ жилъ В. А. Жуковскій и что онъ писалъ.** Цѣна 6 к.
20. **Курскій астрономъ-самоучка Ѳ. А. Семеновъ.** Цѣна 5 к.
21. **Къ свѣту.** Повѣсть. Цѣна 8 к.
22. **Одинъ изъ многихъ.** Повѣсть. Цѣна 3 к.

Цѣна **3** коп.